

В начале жития Стефана Пермского Епифаний пишет: «бых възмога поне мало нечто написати и похвалити добляго Стефана, проповедника вере и учителя Перми».⁶ Стефан «доблий», доблестный потому, что он «воин Христов». В сущности же, все житие в соответствии со взглядами писателя на героя произведения является как бы обширным сравнением Стефана с воином.⁷ Обращая пермян в христианскую веру, «добрый же Стефан, мужественный добропобедник, не имый страхования, но без боязни и без ужасты и по кумирницам их хожаше, и в нощи, и во дни, и по лесу, и по полю, и без народа, и пред народом, и обухом в лоб биаше идола и сокрушаше его, и секирою съсечаше его...».⁸ Стефан Пермский сокрушает языческих идолов так же, как воин земной побеждает земного врага. Здесь и секира, и обух, и пламень... Как воин в обычном понимании слова окружен полками, так и Стефан окружен полками ангельскими. Однако, сравнивая, писатель имеет в виду деяние вообще. Для него важно восхищение подвигом; конкретные факты, касающиеся «воина земного», не интересуют автора жития. Он пространно говорит о том, что воин «многажды воевати, и брань сотворити и победити... и всячески одолети»,⁹ но не произносит ни одного слова о том, с кем и какая была битва, каким образом воин одолевает врага.

Так же как воину, «мужествовавшему и храбровавшему за своего царя», летописец воздает хвалу, так и Епифаний воздает хвалу воину царя небесного. «Не паче ли нам подобаше хвалу к хвале приложити, ции ли не лепо есть нам похвалити сего добраго храбраго воина, иже бысть воин, не ако земному царю или князю века сего, но воин царя небесного, и воевода сын церковный, иже добре мужествоваше, подвизааяся за веру и за святую церковь свою».¹⁰

Подвиг «добляго» Стефана сравнивается не просто с деянием воина, но с деянием «храброго», «мужественного» воина. И здесь проявляется постоянное желание писателя возвысить своего героя. Однако слова кажутся Епифанию неубедительными, сравнения недостаточно яркими. Он стремится усилить впечатление от сказанного указанием на собственное бессилие, выразить свой восторг, вызванный мужеством Стефана. Восхищение переполняет душу писателя, и слова льются неудержимо и страстно, как бы произвольно, вопреки авторскому сознанию своей беспомощности. При этом конкретные значения слов стираются, писателю важен внутренний смысл слова, для выражения мысли нужны многие слова, слова, вызывающие особые, абстрактные ассоциации, имеющие очень далекое внешнее сходство со сравниваемым предметом, но создающие впечатление тайны, которая окружает божественную мудрость и святость подвижника.¹¹

Епифаний как бы сводит на нет свою роль в написании жития и просит бога прославить Стефана. Он, писатель, лишь орудие в руках бога. Похвалу же создает бог: «Да акож Стефан прославил есть имя твое на земли пред человеки, тако и ты, Отче, прослави его самого на небесех пред святыми ангелы твоими».¹² Может быть, по представлению Епифания, святой в известной мере сам является творцом своего жития: святой, воин хри-

⁶ Житие Стефана Пермского, стр. 3.

⁷ Метафора святой — «воин христов» широко применялась в русской житийной литературе уже с XI в. (см.: В. Адрианова-Перетц. Очерки поэтического стиля древней Руси. М.—Л., 1947, стр. 103—109).

⁸ Житие Стефана Пермского, стр. 37.

⁹ Там же, стр. 101.

¹⁰ Там же, стр. 107.

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. Изображение людей в житийной литературе конца XIV—XV в., стр. 108.

¹² Житие Стефана Пермского, стр. 3.